

Комиссар Лаврухин пребывал в подавленном состоянии. Ожидание вымораживало душу начальника эшелона, как и всё внутреннее содержимое верёвочных ему вагонов. Многоотный поезд уже пятый день стоял, застыв посреди заснеженной пустыни.

Выдохнув пар, комиссар забрался по лесенке в тамбур, где столкнулся с Венечкой — стареющим интеллигентом в крутых очках и с вечно всклокоченной кучерявой шевелюрой. За время поездки Лаврухин так и не удосужился узнать, кем был Венечка по профессии — то ли писатель, то ли инженер, — намного важнее было то, что он каждый раз вызывал раздражение.

— Когда же мы поедем, любезный? — оправдал предчувствия Венечка, затягиваясь сигаретой, зажатой в замёрзших пальцах.

— Скоро. Скоро поедем, — отмахнулся комиссар и спрытлся за дверью, ведущей к локомотиву, куда Венечка как простому пассажиру было категорически запрещено входить. Там за толстой стальной переборкой простирался широкий отсек тендера, где морозный воздух снаружи смешивался со смолистым запахом угольной пыли и уже отчётливо веял теплом от раскалённой топки. Отметив, что угля заметно убавилось, Лаврухин прошёл к кабинё машиниста Путилина, но застал того в кочегарке. От масла и сажи его лицо казалось ещё более сморщенным и измождённым, чем обычно.

— Ну, как там? Сидят? — устало спросил Путилин, вытирая пот со лба.

— Сидят, — подтвердил комендант.

— И чего им надо только?..

— Да шут их знает... — пожал плечами Лаврухин.

— Вроде как ждут чего-то. А чего?

— Может это... — машинист осторожно замялся, — с собой их возьмём?

— С собой? — комендант задумался, мысленно прикидывая, как будет уплотняться пассажиров, но, закончив свои подсчёты, ответил: — Это можно. А машина сдюжит?

— Сдюжит, — уверенно кивнул Путилин. — Чутко потише, но пойдёт точно. Ты знаешь... Ей, главное, ехать, — машинист не без удовольствия похлопал по пулкомо боку топки. — Вот бы только помощника мне нашёл. На уголь поставить. А то я тут уже, как раб на галерах...

Кочегара, и правда, не хватало. Помер он с месяц назад и лежал теперь где-то в ледяной степи, зарытый прямо на насыпи железнодорожного полотна.

— Пожалуй, из новеньких и найду, — согласился Лаврухин.

— Хотя не просто так уголёк им давать, — вдруг добавил Путилин, и, поймав удивлённый взгляд собеседника, пояснил: — Да, были тут ходок... Присили. Обещали пути освободить.

— А ты что же?

— Ну, отсыпал мешок. Жалко же... Помёрзнут, — машинист грустно и даже как-то виновато посмотрел на коменданта. — Ты бы это... Говорил с ними ещё. Ну, как ты умеешь, по-дипломатически. Нам ехать надо. Машине стоять нельзя.

— Нашёл дипломата...

Лаврухин хмыкнул и вышел, про себя обругав Путилина «либеральничавшим гуманистом» и ещё парочкой мудрёных слов. А в тамбуре снова встретился взглядом с курящим Венечкой.

— И всё-таки желательно бы иметь определённую. Когда же мы поедем?

— Скоро! — ответил комендант, пытаясь сохранить самообладание. — Людей заберём и поедем. Займите все место.

— Позвольте! Каких людей?! С какой стати? Мы тут все за билеты платили... — Венечка хотел привести ещё какие-то аргументы, но Лаврухин уже спрыгнул с подножки и зашагал вдаль по снегу, а выходящий на мороз за комендантом интеллигенту совершенно не хотелось. Он докурил сигарету и отправился в купе с твёрдым намерением выпить чаю — непременно с лимоном и сахаром.

нам лучше ещё угольку отсыпьте. Одно-то мешка мало будет...

— Нет, — сдавленно выдавил из себя Лаврухин. — То есть, как это? Вы же... обязаны нам помочь.

Голос коменданта сделался твёрдым и приобрёл металлические нотки.

— Безусловно. Но никакого угля вы от нас больше не получите. Завтра поезд тронется. Желющие могут сесть и поехать с нами, остальные, так или иначе, придётся освободить пути. Всем всё ясно?!

Последние слова он буквально прорычал, поэтому Коровчук даже замахал своими пухлыми ручками.

— Хорошо-хорошо! Не будем горячиться, гражданин начальник. Идём! Поедем! Но, в конце концов, нам нужно собраться, всё обдумать... Дайте хотя бы до послезавтра срок?

— Ну, ладно, — смягчился комендант. — Но завтра я ещё приду.

Он колючими глазами обвёл притихших вокруг людей. Все они смотрели в ответ: кто с страхом, кто с угрозы, кто с непониманием. Похоже, что в этом худощавом высоком человеке в шинельке и фуражке они впервые увидели какой-то иной смысл, какую-то иную силу — совсем не такую, какая была у тучного бригадира, и — этим она их одновременно и привлекала, и пугала. Лаврухин отвернулся и, ощущая спиной человеческие взгляды, пошёл назад к эшелону. Стянуть с себя нестерпимо жмущие сапоги, сунуть замёрзшие ноги под колючее верблюжье одеяло и, растянувшись на проводничкой полке, забыться сном — вот, пожалуй, и всё, чего он сейчас хотел.

Дмитрий
ИГНАТОВ

Последний экстренный

Рассказ

Потру Лаврухина разбудил истонный крик: может, бабий, а может, и нет, но истеричный и какой-то визгливый. Впрочем, через минуту выяснилось, что кричал стареющий Венечка. Из его путаных объяснений следовало, что некто напал ночью на машиниста Путилина, по всей видимости, убил и скрылся. По снегу от паровоза в сторону лагеря действительно тянулся кровавый след. Металлический пол тамбура и скоба двери, ведущая к тендеру и кабине, — тоже были перепачканы кровью. Вот только «убитый» сидел всё тут же, прикладывая к разбитой голове платок. Лаврухин даже не знал, чему больше удивиться: внезапно воскресению или тому, откуда Путилин достал платок, который в его промасленных чёрных руках казался белоснежным.

— Ну, вроде живой, — отметил комендант.

— Да вы гланные на нашего рулевого! У него же рука трясётся! — продолжал причитать Венечка. — Как он теперь состав поведёт?!

— Да в порядке я, — недовольно пробубнил Путилин. — Обидно, что моим же ведром меня огрел...

— Кто?! Детали! — наслел Лаврухин, отодвигая ставшего бесполезным интеллигента.

— Да не разглядел. Захотел по нужде выйти. Смотрю, кто-то в тендере копается. Шугнул. А он, видать, с перепугу меня... По фигуре вроде молодой.

— Ясно. «Ситдауны» эти наведались. Уголёк им наш нужен. Проторили дорожку, — озвучил комендант очевидный вывод и задумчиво посмотрел в сторону лагеря.

Там, где-то на конце сходящихся в точку рельсов, пестрели палатки и поднимался чёрный дым, но не было видно никакого движения.

— А вы ещё этих, с позволения сказать, граждан хотели к нам в поезд определить... Звери они там все! — поддакнул Венечка, но на него снова не обратили внимания.

— Не придёт никто, — проговорил Путилин. — А нам ехать нужно... Машина должна двигаться, а то совсем встанем. Смазка загустеет — поршни заклинит, а если ещё трубопроводы во внутреннем контуре замёрзнут и гайки разорвёт...

— Вот и займись внутренним контуром. Закручивай свои гайки! — огрызнулся Лаврухин. — А на внешнем уж я. Сказал — «до завтра», значит — до завтра.

Полпотнее надвинув фуражку и подняв ворот шинели, он в очередной раз решительным шагом отправился в сторону стихийного поселения.

— Ну куда он снова? С кем там разговаривать? — покчал патлатой головой интеллигент-Венечка, прожоящая коменданта взглядом из-под блестящих очков.

— С людьми, — ответил комендант, хотя и сам уже не был уверен в своих словах.

В лагере и правда не наблюдалось никакой человеческой активности. Ни следов рассыпанного угля, ни тем более крови, на снегу не виднелось. Награбленное ночью было давно и умело скрытно где-то в недрах этого помоечного караван-сарая. Однако судьба угля волновала Лаврухина в последнюю очередь. Завидев массивную фигуру Коровчука, комендант направился к нему.

Бригадир, словно на троне, восседал в старом кресле на деревянных ножках, и грел пухлые ладошки у горящей бочки, пока рядом сутулились около прикижённые. Он тоже заметил приближение Лаврухина и, не поворачивая головы, заговорил первым.

— Ты вот знаешь, комендант, куда эти рельсы ведут?

— Туда ведут.

— А что — там?

Вопрос явно перебил боевой настрой коменданта.

— Ну, не знаю... Восток...

— Во-о-от, — довольно протянул Коровчук. — А мы тут посоветовались и, стало быть, решили, что нам всем нужно на Запад. Так что ты, комендант, не топоришься. Переставляй паровоз. И вот тогда мы все с тобой поедем.

— Что?! — возмутился Лаврухин. — Это совершенно невозможно!

— Ну, привикай, товарищ начальник, у нас тут не как у тебя... Демократия. Народ решает.

— Ясно. Снова, значит, бредим... Время тянем? Не хотим договариваться? Так я пойду, мне плавать?

Комендант действительно собрался было уйти, но из группы сидящих чуть в стороне вдруг поднялся здоровый детина. В своём сереньком ватнике и коричневых сапогах он был почти не заметен, пока не распрямился в полный рост. От нервозности или для соблюдения некоего этикета он стянул с головы шапку, скомкал её в крепких пальцах, продемонстрировав свою пшенично-жёлтую шевелюру, а потом приблизился парой широких шагов и громко произнёс:

— А меня и Восток устраивает. Чего тут сидеть впустую? Ехать надо. Я так считаю.

На пятачке вокруг бригадирского кресла возникло напряжённое молчание. Лаврухин снова ощутил спиной, как оказался в центре внимания сотен глаз. Выглядывающие из-за пологов палаток, скрытые надвинутыми шапками, смотрящие исподлобья — все они сейчас чего-то ждали.

— Тебе что же, наши правила напомнить? — пробасил Коровчук. — Кто не сидит, тот лежит!

— Да мне плавать! — мужчина демонстративно вытянулся ещё сильнее, нагло зыркнув в сторону побелевшего от злости бригадира.

— Сядь!

— Не буду. Я так думаю. Ехать всяко лучше, чем тут жопу морозить, — детина отяделся по сторонам и заговорил совсем громко. — Ребята, девчата! Кто уже собрался? Давай за товарищем комендан-

От этих размышлений тонко организованной Венечкиной натуре стало отчего-то так противно, что он бросил недокуренную сигарету и ушёл в купе. Тем более что дальнейшего разговора новой пассажирки с Лаврухиным ему всё равно не было слышно.

— Товарищ комендант, — залепетала девушка. — Меня Ксанкой звать. Можно к вам обратиться?

— Что?

— У меня там жених остался... Колыба.

— Что ж с тобой не пришёл?

— Говорит, что не возьмёт его. Бойтся он...

— Ксанка опустила глаза. — Это ж он у вас на днях уголь воровал...

— А ты что же тогда его закладываешь? — усмехнулся Лаврухин.

— Да он не со зла... Дурак просто! — девушка серьёзно посмотрела на коменданта. — Это его боров наш — бригадир — заставил. Велел Колыбе ночью уголь таскать, чтобы меня никто не тронул, а иначе... Вот Колыба меня за два мешка и выкупил. Я говорю — «вместе пошли», а он — «сама иди», а ему, мол, сюда дорога уже заказана.

— Ясно, — Лаврухин на минуту задумался. — Ладно. Завтра ещё поговорю с вашим Савченком. Одобрит — возьмём твоего Колыбу. Но только под твою ответственность.

Глаза Ксанки загорелись радостью, она вдруг так крепко схватила и обняла Лаврухина, что тот аж пошатнулся.

— Ой, спасибо вам, товарищ комендант! Спаси-бо огромное! Можна я вас поцелую?

— Не положено!

Отстранившись, Лаврухин оставил сияющую девичью и зашагал вдоль вагонов. Нужно было про-

мордоворотов был тут же — на своём месте. Развалившись в старом кресле, грел ручками у костра, подкидывая в бочку небольшие чурбачки.

Внезапно Лаврухин с ужасом заметил, что из ёмкости торчали обгоревшие ноги в знакомых коричневых сапогах. «Хоть бы обувку сняли... — мелькнуло в голове у коменданта. — Ничего-то им не жалко...». Но свой вопрос задал предельно невозмутимо и с несколько отрешённой грустинкой:

— Убили всё-таки?

— Это наше внутреннее дело, гражданин начальник, — хмыкнул в ответ Коровчук.

Откуда-то из кухни тряпья, бывшего когда-то чьим-то жилищем, вылезла маленькая девочка, бросилась к Лаврухину и, уткнувшись в полы шинели, тихо прошептала:

— Это папка мой... Больше никого не осталось...

— Понятно. Рядом стой. — Комендант не глядя на девочку, а только сверлил глазами бесформенную фигуру бригадира. — Зачем убили? — спрашиваю.

Коровчук поймал взгляд коменданта и растёкся в салыной ухмылке.

— А он сам... На шпалу упал и ударился. Нескільки раз.

— Дядя милиционер, они врут всё! — пропищал ребёнок, крепче сжимая ручками этого странного худого дядюку, будто сейчас в нём заключалась последняя надежда. — Это они палками его ночью застучали.

— Знаю. Не бойся. Мы с тобой ещё подумаем, что с ними сделать...

— Не о том ты думать собрался, гражданин начальник, — усмехнулся бригадир. — Лучше подумай, может, не нужно тебе нигуда ехать? Зачем? Оставайся. Будешь, как сыр в масле, кататься. Уголька надолго хватит. Разгрузишь свой тендер... А мы поможем.

Коровчук самовольно хихикнул, но сразу поменялся в лице, потому что в него нацелилось чёрное пистолетное дуло. Бугаи позади главаря поднялись с мест, но ринуться вперёд без команды не решились.

— Все назад! Назад! Я ухожу. Ясно? Девочка идёт со мной.

Не выпуская из виду нацеленный на него ствол, бригадир продолжал увещевать коменданта, но тот уже не слушал.

— Так... И ещё... Есть тут Николай? Ну! Ксанкин женишок, который... Николай, выйди! — громче повторил Лаврухин.

Из-за спин подручных Коровчука показался щуплый паренёк.

— А этот папу бил, не помнишь?

— Нет... Он никого не трогал.

— Значит, тоже со мной пойдёшь, — приказал комендант Коле. — Ну! Быстро!

Тот путиливо обернулся, а потом перешёл поближе к человеку в шинели.

— Ах ты крысёныш! Задавалю! — взревел главарь.

— Сиди уж! Любись сидеть же. А то поскачешь у меня! — осадил его Лаврухин, угрожающе ткнув оружием, а потом оглянулся по сторонам, обращая ко всем прочим зрителям, незримо наблюдающим за сценой из своих укрытий. — Другие желающие есть? Нет?! Ну, всё... Хотите сдохнуть, значит, сдохните. Увижу, что кто-то следом идёт — стреляю сразу в лоб.

— Далеко всё равно не уедешь, — сквозь зубы процедил Коровчук.

— Поезд невозможно остановить.

— А это мы ещё посмотрим, гражданин начальник.

Комендант не стал продолжать эту бессмысленную перепалку. Только ещё раз посмотрел в сторону палаток с притаившимися внутри людьми, с обидой прошептал:

— Дебилы, б...ды... — плюнул в снег и пошёл назад к поезду вместе со встревоженным Колей и успокоившимся ребёнком.

Нескільки раз он мысленно ругал себя за несдержанность. Никак нельзя было светить «Макаровым». Неоправданный риск. Что у него? Восемь патронов. А у них — злость, кураж и одно на всех неудержимое желание завладеть халынной вольной. Расчёт лишь на то, что жирный боров засыплет и не спустит свою шоблу. Эмоции. Ребечество. Как бы то ни было, погоя не входила в планы трусливого Коровчука, поэтому никакой погоны так и не случилось. А локомотив был уже в паре шагов.

Лаврухин рассматривал поезд. Чёрная угловатая громадина, извергающая горячий пар, возвышалась на фоне белой земли и серого неба, словно фантастический дракон, вытянувший вдоль железнодорожной ветки свой длинный хвост. Одни колёса почти с человеческий рост. Спецрельсы и полотно второе шире обычного. Умели же раньше строить... Настоящий левиафан! И что он таскал? Какие-нибудь боеголовки — не иначе. Отрыжка ядерной эпохи.

А что теперь? Куда он нас везёт? И зачем? Может, и проще того что вот — сесть и ждать, когда на тебя свалится счастье? Да и есть ли оно в конце этого пути? Кто встретит? Не такие ли мортотные морды?

Тягостные раздумья коменданта прервал паровозный свисток. Глгнул — все уже погрузились — один Лаврухин стоял в снегу в нещадно жмущих сапогах. Поднявшись по длинной крутой лестнице, он громко закрыл последнюю дверь, пересёк тендер и заглянул в кабину.

— Ну чего? Поехали что ли?

— Да там это... — запёкшееся лицо Путилина выражало тревогу. — На рельсы какого-то говна нацелили. И, кажись, шпалы пилят. Как бы жертв не было... Котёл-то у меня уже того — под парами.

Воцарилось молчание. Только громогласное урчание исполнительной машины напоминало, что ей никак нельзя останавливаться.

— Что делать-то? — повторил вопрос машинист.

Лаврухин опять задумался, но тотчас вспомнил удивлённого Колыбу. Его Ксанку, проданную за пару мешков угля. Испуганную девочку, чьё имя он пока ещё даже не узнал. Вспомнил эти мерзкие рожи, ступившиеся вокруг растерзанного трупа белокурого Савченка. Вспомнил довольную и лоснящуюся жиром харю бригадира. И неожиданно для самого себя очень чётко ответил:

— Дави их, Путилин.

Всочельник вместо пушек по жителям подземелья разгромленного города ударили рождественские морозы. По земле заметно поплыли сизо-розовые клубы дымов подвальных буржуек. Редкие ходымо ползали по развалинам бывших построек, собирая дрова, чтобы в тепле отпраздновать Рождество Христово. Кто-то забредал в центр города на место разбомбленного рынка в поисках вчерашнего дня, а Ваня пошел в сторону разрушенной церкви, где его встретил юродивый Вася, стороживший останки цокольного предела храма.

— Поздравляю вас с не совсем еще минувшим праздником, — негромким скороговоркою обратился юродивый к Ване, — с пожеланием нашему приходу благотишья... — Шмыгнув носом, подтянул пояс, что поверх брезентового плаща повязан, и уже хотел было двинуть дальше, но замер на

мгновение, обнял Ваню и горько-горчишно заплакал...

— Не выдай нам ноне торжества. Помре Матвей, а Кондрат во узах...

«Тоди пойми его, что такое Матвей и Кондрат во узах?» — подивился было про себя Ваня, как тот весело толкнул его в бок:

— Вари кутью — волхвы уже в дороге, — и юркнул в расщелину церковного цоколя.

Сбитый с толку юродивым Ваня стоял на паперти, помолвился перед входом, как делал по обыкновению прежде, когда собирался идти дальше, но тут вперёд него выпорхнула из развалин певчая:

— Помирать собирать, а кутью вари, — весело пропела, — волхвы уже в пути...

«И что они заладили: кутью вари», — возмущался духом Ваня.

— Сами варите! — отрезал.

— А нет, Ваня, — выставлялась, подбочиняясь, певчая, — каждый шесток знай

Сергей
КОТЬКАЛО

Вечера

Святоточный рассказ

свой вершок.

Сказал тебе

Вася: «Матвей

помре, Кондрат

в узах», — а ты

и не понял, что

Ваня, не ленись,

вечерю готовь,

размышляя он

обратной дорогой

в землянку, —

а деваться некуда —

...Ваня впервые готовил вечерю на

войне. Не сразу Москва строилась. Пше-

ницы не было, но нашлся рис... Со взва-

ром, маком и мёдом — тоже не вышло.

Но и этот вопрос разрешили случайно

оставшимися на не срубленном дереве

пожухлыми яблоками... Кое-что ещё со-

ношил из съедобного... Нескладно напек

на сковороде коржиков из ржаной муки,

разукрасил жареными сахарными каре-

машками... Что-то жарилось, парилось,

варилось... Час за часом дело спорил-

ось. Ваня старался, боялся не поспеть... На

дворе темноло и он, хрустя по снеж-

ку, бежал на встречу Христа... С Первой

звездой пронорнул в створку церковного

цоколя, поставил узелок с вечерей в угол, тут-то певчая и стала читать начальные молитвы, а юродивый за ней псалмы Великого повечерия...

А там, впереди, уже все вместе пели: *Рожество Твое Христэ Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащи,*

звездю учасуся, Тебе кланятси Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока: Господи слава Тебе.

...По завершении службы под водительством певчей юродивый с Рождественской звездой и Ваня с вечерей отправились за городскую черту в солдатские окопы. Они пели солдатам народные рождественские песни:

Днесь Христос родился, От Девы воплотился: Рождество стага, Яка не бывага...

И всех угощали кутьей и коржиками. Сначала на гостей смотрели как на дикинку, затем стали улываться, хлопать по спине, звать товарищей из других окопов. Гости продолжали петь:

...Три царя приидоша, Дары Емю принесоша. Пастыри на чудо взирают, Всюду о нем говорят.

И мы Емю хвалу возсылаем, На век вас поздравляем.

Будите збравы, счастливы На многая лета!

И молодые, статные защитники Святой Руси угощались домашней праздничной вечерей.

Ваня сначала побаивался, что всем вечери не хватит, но скоро за песнями перестал тревожиться. Народ из окопов прибывал, все угощались и всем всего хватало, а Солнце Правды светило им с высоты Востока.